

- ²⁷ Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение I. Л., 1948, 110–111.
- ²⁸ Афанасьев А.П. Указ. соч., 110.
- ²⁹ Honti L. Op. cit., 166–167.
- ³⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. II, 376.
- ³¹ Туркин А.И. Указ. соч., 75.
- ³² Афанасьев А.П. Указ. соч., 108–109.
- ³³ Туркин А.И. Указ. соч., 75.
- ³⁴ Туркин А.И. Краткий топонимический словарь. Сыктывкар, 1981, 8–9; Афанасьев А.П. Указ. соч., 18.
- ³⁵ Матаев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера, 47.

Л. Мошинский

ГОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ КОПИТАРА 1836 г. В СОПОСТАВЛЕНИИ СО ВЗГЛЯДАМИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИМОЛОГОВ

Старейшим славянским этимологическим словарем, цитируемым всеми современными этимологами, является *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* Ф. Миклошича, опубликованный в 1886 г. Несомненно, правы и Ф. Славский, утверждая, что “единственной законченной работой, дающей и сейчас некое целостное представление об общем словаре разных славянских языков, является труд Ф. Миклошича *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, изданный в Вене в 1886 г.” (Sławski – Słownik prastowiański 1, 5), и О.Н. Трубачев, который напоминает, что “первый научный труд под названием “Этимологический словарь славянских языков” издал в конце прошлого века Миклошич” (ЭССЯ 1, 5). Однако, не отнимая пальмы первенства у Ф. Миклошича, нельзя отодвигать в тень предшественников славянской этимологии, какими были Йозеф Добровский и Бартоломей (Ерней) Копитар. Но насколько этимологические идеи Й. Добровского рассеяны в его общих работах, прежде всего в эпохальном труде *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris* (Vindobonae 1822), настолько этимологические взгляды Копитара сосредоточены в словарики, который он присоединил к своему труду *Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi (...) ill^{mo} Comiti, Paridi Cloz Tridentino felici codicis Domino dedicavit Bartholomaeus Kopitar* (Vindobonae MDCCCXXXVI). Этот словарики, названный им “*Vocabularium linguae Slavorum sacrae*”, включает в себя не только “*vocabula omnia Glagolitae Cloziani explicata*”, но также и “*Vocabula reliqua ejusdem dialecti sacrae, nonnisi simplicia, e Dobrovii et nostris collectaneis; quibus Derivata et Composita facile erit addere*”, и содержит так много этимологиче-

ских объяснений, что может быть признан первым славянским этимологическим словарем. Я постарался показать это в двух своих более ранних публикациях¹. Очевидно, по объему проанализированной лексики, а также по объему сравниваемого материала небольшой словарь Копитара (он едва насчитывает 20 страниц большого формата трехколонной печати и охватывает в общем 1805 заглавных слов, из них едва ли при 169 даются инославянские соответствия, а при 342 замечания этимологические) несравним с изданным полвека позднее великим трудом Миклошича, однако он имеет одну определенную особенность, которая отсутствует в словаре Миклошича и которая придает ему характер научной работы. Копитар скрупулезно приводит этимологические идеи своего предшественника Добровского и даже полемизирует с ними, так напр., он отбрасывает этимологию Добровского, связавшего слова **говѣнье** и **говадо** (с. 70). Напротив, Ф. Миклошич, хотя и, несомненно, знал работы Копитара (они приводятся в списке источников *Lexicon'a in Palaeoslovenico-Graeco-Latinum* 1862–1865 гг.), не упоминает его в своем этимологическом словаре, что привело, если так можно образно сказать, к “гражданской смерти” Копитара как предтечи славянской этимологии.

В словаре, написанном по-латыни, Копитар вводит свою этимологическую терминологию. Такими являются следующие термины: *etymon*, написанный как по-латыни (напр. “**ходатай** πρόξενος, procurator. Etymon Dobr. derivat a **ходить**, quasi qui e a t ab uno ad alterum”, с. 85), так и по-гречески (напр. “**рай** paradisus. Vide an ἔτυμον possit esse **радъ**?”, с. 81); *etymologice* (напр. “господь dominus, κύριος. (E t y m o l o g i c e convenit cum gr. δεσπότης)”, с. 70); *radix* (напр. “**ветѣхъ, а, о** vetus, ἀρχαῖος. Nota radicem eandem cum lat. v e t u s”, с. 69); *derivo* (ср. выше **ходатай**); *derivatum*, sb. (напр. “ipsaque **вѣвь** res, cujus ulterius derivatum est **обвь** res publica”, с. 70); *deduco* (пр. “**тлъкоуѣж** interpretor. Videtur peregrinum, quamvis Russi **толкъ** (interpretatio) videantur deducere a **толико**, t a n t u m d e m quasi dico (vernaculis tibi verbis)”, с. 84); *index* (напр. “**огнь** et **огнь** m. ignis (indice: agni)”, с. 78); *onomatopoea* (напр. **палити**, uro, et **полѣти** imo et **плати** (praes. **пољж**) ardeo; hinc **пламень** m. flamma. Huc et onomatopoea **палплати** (germ. flackern, lodern) spectat”, s. 78).

Эти примеры также показывают, как Копитар использовал этимологические интерпретации Добровского. Поскольку, однако, словарь Копитара обычно не принимается во внимание этимологами, то и опускаются принятые Копитаром этимологии Добровского. Характерно в этом отношении слово **коумиръ**, интерпретируемое по-разному, а в последнее время признаваемое протобулгаризмом. Современные этимологи привлекают словарь Миклошича (Miklosich 147: s.v. **kumirŭ**)², а из более ранних гипотез также отвергнуто им финскую теорию Рейфа 1835 г., но не приводят протобулгарскую теорию Добровского (“*kumir* – idolum [...] Eitant, qui vocem hanc, quae mihi vetus Bulgarica videtur, hebraicam esse dixere”³), повторенную Копитаром, до конца неуверенно-го в ее справедливости (“**коумиръ** idolum. Aliis Slavis plane ignota vox,

vocisque ἔτιμον. Certe Dobrovius veterum Bulgarorum t u r c i c a e linguae tribuit. Sed ille nimis liberalis erat in talibus, etiam **царь** tribuens Turcis, quod nunc Ostromiro et Glagolita testibus certo certius est syncopatum e **цѣсарь, цьсарь, царь**", с. 75). Взгляды Добровского, скрытые в его Institutiones, могли остаться не замеченными будущими исследователями, и если бы этимологи оставили без внимания словарь Копитара, протобулгарская теория Добровского была бы вообще неизвестна.

Не всегда Копитар следует упомянутой выше этимологической терминологии. Нередко он не оговаривает сокращения типа "**въплъ** m. clamor, ab **въпниѣ**", с. 69. При заимствованиях из неславянских языков иногда он использует предлог *a(b)*, напр. "**црькы, црькъвь** et **црьковь** f. (a germ. Kirche) ecclesia, ἐκκλησία" с. 85; иногда *e(x)*, напр. "**краль** rex. Notum est, Dobrovio videri factum e germ. K a r l, sicut **цѣсарь** et Kaiser e S a e s a r i s nomine", с. 74; однако чаще всего используется сокращение *cf.* (*confer*), которое, как можно судить на основе прочтения всего словаря, порой может указывать на общее происхождение обоих слов (напр. "**коупъ** m. (cf. germ. Haufe), cumulus", с. 74), а иногда на источник славянского слова (напр. "**крамола** seditio. Cf. Carmula, L e g i s Bajuvar., quae ipsa L e x hanc vocem pro bajuvarica habet, interpretaturque seditioem", с. 74; "**коуплѣж, пити** emo (cf. germ. kaufen)", с. 75; "**кназь** princeps, ἀρχων. Cf. germ. k u n i n g", с. 74; "**цѣта** denarius. Cf. g a z e t t a Venetorum?", с. 85; "**книга** liber; epistola. Cf. sinic. K i n g?", с. 74 и т.д.). Однако сокращение *cf.* может быть опущено, напр. "**гость** hospes, germ. G a s t", с. 70; возможны и описательные способы указания на связь между языками, напр. "sl. **добръ, а, о** bonus, etymologice convenit cum germ. t a p f e r", с. 71; "**срѣда** f. mtdium, μέσον; dies mercurii (Germ. Mittwoch)", с. 82 (Копитар недвусмысленно указывает здесь на явление так называемых семантических калек) и т.п.

Среди славяно-германских сопоставлений особую группу образуют славяно-готские сопоставления. В словарице Копитара таких слов относительно немного, едва ли наберется одиннадцать.

В наши задачи не входит верификация идей Копитара, следовательно, не будет и существенной оценки связей, представленных в разных этимологических словарях. Цель этих заметок – только сравнение взглядов Копитара со взглядами последующих исследователей, которые, обходя вниманием предшественников в своей области, принимали за исходное этимологический словарь Миклошича. В тех случаях, когда исследователь знает работы Копитара (как было показано выше), но при этом никак не упоминает своего предшественника, только путем сравнения выводов можно строить предположения о том, использованы ли и в какой степени идеи Копитара. Поэтому после того, как будет приведено мнение Копитара, на первое место будут вынесены взгляды Миклошича, и только потом решения новые и нанновейшие. А поскольку поставленные задачи не требуют привлечения всех существующих этимологических словарей, во внимание будут приняты только некоторые.

В двух случаях сближения Копитара необходимо трактовать как материал исключительно сравнительный.

Копитар: “*масо* n. caro. Cf. goth. *mims*” (с. 76). Миклошич (s.v. *menso*, с. 189) не уточняет мнения, но сравнивает материал из нескольких языков, в частности, ст.-прусск. *mensā* и гот. *mimz*. Современные этимологи, хотя в деталях по-разному реконструируют исходную и.-е. форму (чаще всего так, как Трубачев [ЭССЯ 19, 7–11], **mēmso-* / **mēmso-*, но разнообразие форм этого слова в индоевропейских языках побуждает некоторых исследователей к принятию других решений, отвергнутых Трубачевым, как напр. **mēsno-* или **mēmsno-* [БЕР 3, 759], **mē(m)so-* [Skok II, 410], **mēsō* (Mažiulis III, 130–131), а для континуантов без носового, напр. лит. *mēsà*, также **mēs-* [Berneker II, 43–45], а Махек при сопоставлении примеров из разных языков даже утверждает: “Je nesnadné uvéstí tato slova v jednotu” [Machek² 353]), но оспаривают непосредственный переход и.-е. **mēmso-* ≥ праслав. **męso*. Ст.-прусск. форма *menso* побуждает Мажюлиса реконструировать балто-слав. **mensā*. Брюкнер подозревал здесь заимствование из польского языка (Brückner 336). Славяно-готское сопоставление Копитара эмос отозвалось раньше всего в словаре Бернекера (“An Entlehnung von *męso* aus got. *mimz* [...] braucht nicht gedacht zu werden”), далее в словаре Фасмера (“нет основной говорить о гот. происхождении” – Vasmer II, 189; Фасмер III, 30–31), напомнил об этом также Трубачев, но всеми тремя исследователями автором этой гипотезы называется Х. Хирт, а не Копитар.

Копитар; “*сынъ* filius, υἱός. Cf. goth. *s u n u s*” (с. 83). Уже Миклошич (Miklosich 335: s.v. *synū* 1) видел в нем и.-е. наследие и указывал на корень **sū-* ‘gebären’, и такое понимание представляют современные этимологи, притом что принимаются два варианта корня. Как показал О.Н. Трубачев, долгий вокализм **sū-* свойствен языкам индийским, балтийским и славянским, **sŭ-* с кратким вокализмом характеризует германские языки, а образование в целом **sŭ-nu-* имело ударение на корне, литовское же *sūnūs* вторично⁴. Однако Безлај реконструировал праслав. форму **sū-nūs* / **sŭ-nūs* (Bezlaј III, 235). На различие между праслав. *sūnus* с долгим *ū* и гот. *sunus* с *ŭ* кратким обратил внимание также Махек (Machek² 599), а еще раньше Файст (Feist³ 460–461) реконструировал для гот. *sunus* и.-е. **sūnu-*.

Семь следующих готских этимологий Копитара найдут подтверждение в работах современных этимологов, хотя известны также попытки иных решений. Копитар как автор готских этимологий в приводимой литературе не упоминается даже у очень скрупулезно работающих ученых.

Копитар: “*вельвадъ* [sic!] peregrinum est, nempe goth. *U l b a n d u s*, ipsum corruptum e gr. ἐλέφας. Slavis et Gothis est *c a m e l u s*. *Вельвадъ* autem et *вервлюдъ* nonnisi ulterior est corruptio ejusdem *вельвадъ*; ut frustra sit illius ad discrimen vocum κάμιλος (rudens) et κάμηλος (camelus) detorsio” (с. 68–69). Миклошич обращает внимание на процесс сближения с глаголом **blqđiti*, известного уже с XIII в., и утверждает: “Uralte

Entlehnung aus dem got. *ulbandus* aus *elephantus*” (Miklosich 380: s.v. *velibondū*). И такая этимология принимается современными этимологами. Фасмер обратил внимание только на процесс сближения, который затронул первую часть слова, где ожидаемое **vǫl-* замещено **vel-* в результате сближения с прилагательным *velii* (Vasmer I, 184; Фасмер I, 293: БЕР I, 130). Дискуссия может касаться только непосредственного источника готского слова, а именно: была ли это греческая форма или латинизированная *elephantus* (Feist² 390–391; Feist³ 515; Snoj 710).

Копитар: “*говьзъ* uber. Cf. goth. *g a b i g s*” (с. 70). Миклошич пишет, не обращаясь к Копитару: “Mir scheint das Wort deutschen Ursprungs zu sein: got. *gabigs, gabeigs* reich zu *giban*” (Miklosich 69: s.v. *gobīdžū*). Поэтому и в новейшем исследовании (ESJS 3, 185) этого слова Б. Скалка, принимая готскую этимологию, называет ее автором Миклошича. Правда, Скалка приводит мнение Миклошича, высказанное им еще в 1845 г. в работе *Radices Linguae slavicae veteris dialecti*, однако это было через 9 лет после выхода в Вене словарика Копитара. Современные исследователи не ставят под сомнение готскую этимологию, что как минимум высказывается в очень осторожной форме, как это сделал О.Н. Трубочев (ЭССЯ 6, 186): “Займствовано из герм.: ср. гот. *gabeigs* ‘богатый’”. Сходно у Фейста (Feist² 130), который связывал дифтонг *-ei-* с образованием существительного, тогда как прилагательное представляет гласный *-i-* (*gabigs*), и эта форма должна была стать основой заимствования. Попытки выведения этого слова из других германских диалектов (напр. из языка гепидов или древневерхненемецкого) отверг уже упомянутый выше Скалка.

Копитар: “*котъль* *ahenum*. cf. goth. *k a t i l s*” (с. 74). Миклошич пишет в общем виде: “Das Wort ist germanisch” и, поставив на первое место гот. *katils* и др.-в.-нем. *chezzil*, добавляет: “Die Entlehnung fällt in die erste Periode” (Miklosich 135: s.v. **kofilū*). Готская этимология в настоящее время всеми принимается. Эту этимологию, однако, оспорил П. Скок: “Акцент од *koṭl̥* не govori u prilog posudenici iz gotskoga, gdje akcentat bio kao u germanskom uopće na *ka-*. [...] Zbog toga Meillet i Mladenov uzimlju da direktno posudeno od deminutiva *cañillus*, koji se poklapa u pogledu akcenata sa sveslavanskom riječi” (Skok II, 170). Иначе думает Безлай: “Izposojeno iz got. **katil(u)s*. [...] (Miklošič 135) [...]. Zadnji vir je lat. *cañinus* poleg *cañillus* “skleda, čaša”, vendar slov. *koṭl̥* ni izposojeno naravnost iz lat”. (Bezljaj II, 73). Ф. Славский также исключал возможность непосредственного заимствования из латинского (Ślawski II, 318).

Копитар: “*лѣкъ* *medicina*. cf. sues. et goth. *l e i k*” (с. 76). Миклошич только в самом общем виде указывает на германский источник: “got. *lêkeis*, ahd. *lāchi*, ir. *liaig* Arzt deutet auf einen auf *g* auslautenden Stamm, daher auf germanischen Ursprung des slav. **lêkü*” (Miklosich 167: s.v. *lêkü*) Многие из современных этимологов выводят это слово из готского. Бернекер закрепил точку зрения Миклошича, согласно которой это слово кельтского происхождения к славянам пришло от готов, о чем свидетельствует ирл. *liaig*, заимствованное через германский до так на-

зываемого передвижения согласных (т.е. до перехода *g > k) (Ветекер I, 710). Фейст приводит гот. *lekeis* 'Arzt' (Feist³ 329). Автором теории исконного, т.е. индоевропейского происхождения слова, был Ст. Младенов. Его теория, производящая славянское слово от и.-е. корня *lēq- 'говорить' (как лат. *loquor*), вызвала много возражений, напр. у Фасмера (Vasmer II, 27; Фасмер II, 477–478), Славского (Ślawski IV, 124–125), М. Сноя (Snoj 297), авторов Этимологического словаря старославянского языка (ESJS 7, 411–412), Трубачева (ЭССЯ 14, 192–194). Мартынов, как заметил Трубачев, пошел еще дальше. В работе "Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры" (Минск, 1963) он предполагал обратное – германское заимствование из славянских языков, хотя в "Этимологическом словаре белорусского языка" он не вернулся к этой теории (ЭСБМ 5, 281). Однако несмотря на другие попытки объяснения происхождения этого слова, господствующей остается готская теория, принадлежащая Копитару.

Копитар: "смюквa, ficus. Cf. goth. s t i k k a". Миклошич не формулирует свою точку зрения, однако цитирует готскую форму *smakka* (Miklosich 311: s.v. *smoky*). Происхождение этого слова вызывает большие сомнения. Существует даже гипотеза Я. Гримма, согласно которой гот. *smakka* является славянским заимствованием. Упоминают эту гипотезу не только слависты, как напр. Безлай (Bezljaj III, 272–273), но и германист Фейст, хотя он и склоняется к точке зрения Оштира, согласно которой слово по происхождению праиндоевропейское и в оба языка пришло независимым путем (Feist³ 438–439). Возможность готского происхождения отмечают Фасмер (Vasmer II, 674; Фасмер III, 689–690), Садник–Айтцетмюллер (Sadnik–Aitzetmüller Vgl. Wb. 305), не исключает эту возможность Безлай, упоминая при этом также теорию Гримма. Сной не исключает ни одной из этих возможностей (Snoj 585). Скок, подвергнув сомнению готский источник, готов принять гипотезу о двух независимых друг от друга заимствованиях (слав. *smoky* и гот. *smakka*) из какого-то балканского языка (иллирийско-фракийского?). В свою очередь, Шустер-Шевц (Schuster-Ševc III, 1321–1322) принял теорию, сформулированную Иллич-Свитычем и упомянутую О.Н. Трубачевым (Фасмер III, 689–690), по которой эта форма образована от корня **mok-* 'Nässe, Feuchtigkeit' с первоначальным значением 'saftige Frucht (Beere)'. Особую теорию предложил Махек, который, связав это слово с лит. *sāmanos* 'mech', реконструирует праслав. **somonica* 'mechová jahoda', т.е. 'плод клюквы' или 'клюква', уже "na Balkáně domácí zkrácené s[a]mo[ni]kva bylo přeneseno na plod nově poznany" (Machek² 560–561).

Копитар: "стъкло n. vitrum: Goth. s t i k l s" (с. 83). Милошич приводит гот. *stikls* и др.-в.-нем. *stēchal* и утверждает: "Das Wort ist deutsch: "von stechenden Spitzen Trinkhorn auf andere Gefässe übertragen" und auf die Materie. Die Aufnahme d. Wortes durch Slaven fand in der ersten Periode statt" (Miklosich 328: s.v. *sřiklo*). С предложением Копитара совпадают результаты исследований современных этимологов, которые, однако считают автором готской теории Миклошича (напр. Vasmer III, 9; Фасмер III,

752–753). Копитар не упоминают даже его соотечественники, словенцы, как напр. Ф. Безлай и после его смерти редакторы третьего тома “Этимологического словаря словенского языка” М. Сной и М. Фурлан (Bezljaj III, 315). Существование этого слова у балтов побуждает Скока выдвинуть гипотезу об очень раннем, еще балто-славянском заимствовании из готского (Skok III, 325). Эти сомнения отклоняет Мажюлис, который выводит ст.-прусск *sticlo* (**stiklan*) из праслав. **stьklo* (Mažiulis IV, 157).

Копитар: “*χλῆβῦ panis*. Cf. goth. *h l a j f s*” с. 85). Миклошич: “*hlēbū* stammt aus dem Germ: es ist eine Entlehnung der ersten Periode” (Miklosich 87: s.v. *chlēbū*). Перед этим Миклошич приводит только готскую форму *hleifs* (*hlaiba*-). Современные этимологи также принимают за основу славянского слова гот. *hlaifs*. Такого же мнения был также Бернекер, который, однако, допускал возможность более раннего заимствования из прагерм. **χlaiba*-. Спорадично появляются другие предположения, как, например, допущение независимого продолжения и.-е. **khlōibhos* или **skloibhos*. На расхождение во взглядах обратил внимание Шустер-Шевц (“Es besteht keine einheitliche Erklärung des Wortes” – Schuster-Ševc I, 384–385). Появилась также гипотеза (сформулировал ее финский славист Юки) о заимствовании из старофинского *gljār* ‘рисовые зерна’, отвергнутая уже Фасмером в 1958 г. (Vasmer III, 245; Фасмер IV, 241–242), а в последнее время “Этимологическим словарем старославянского языка” (ESJS 4, 219).

Наконец, в двух случаях Копитар отвергает возможность готского заимствования. Влияния его паннонской теории происхождения старославянского языка (в его терминологии это – *Sclavorum lingua sacra*) проявляется в оценке происхождения слова *осѣтъ*. На с. 78 Копитар писал: “*осѣтъ acetum*. Gothic adhuc est a k e i t antiqiore tou c ut k sono: at Slavi habent a Latinis Pannoniae recentioribus, jam c per tz efferentibus, ut vides ipse ex hoc *осѣтъ*, itemque e *цѣсарь* et aliis”. Подобные замечания найдем и при других словах, признаваемых Копитаром более поздними заимствованиями из латинского, напр. в статье на *лѣуна*, он писал: “*lupa*. Et hoc vocabulum testatur linguae sacrae pannonetatem” (с. 75), а в статье на *поганъ*: *Nota et hoc vocabulum, utpote inter Latinos in Pannonia adoptatum a Slavibus neophytis*” (с. 79). Но несмотря на зависимость от паннонской теории, в своем мнении Копитар не одинок. В наше время его разделяет В. Махек: “*Zpravidla se pokládá za výpůjčku z gót. akeit, akēt, ale tomu brání hlavně ъ (čekáme ě!), ale i c. Spíše uznáme přejetí z nějakého lat. *acitum, což by bylo vzniklo zkřížením s acētum ocet a z ntr. adj. acidum (od acidus kyselý)*” (Machek² 408). Латинское происхождение принимает также Сной (Snoj 397), не отвергают его Фасмер (Vasmer II, 294–295; Фасмер III, 176–177) и Скок, хотя последнему ближе готская теория (Skok II, 540), впервые заявленная Миклошичем (Miklosich 219 s.v. *ocitū* “*осѣтъ* beruht nicht auf lat. *acetum*, sondern auf germ. *akit* : *akeit*”), потом поддержанная и другими этимологами, напр. Брюкнером (Brückner 373). Фейст предполагает германский источник **akita*-, являющийся продолжением лат. *acētum* и

acidum (Feist³ 32). Скорее в пользу готской, чем латинской, высказываются Л. Садник и Р. Айтцетмюллер (Sadnik–Aitzetmüller. Vgl. Wb. 277). Оба подхода отмечает Ф. Безлай (Bezljaj II, 239).

И, наконец, этимология праслав. **dlǫgъ*. Копитар писал: “*dlǫgъ* debitum. Hoc a nobis mutuati Gothi fecere d u l g s; more germanico, consonans relinquente fini, quas Slavus mavult profligare prius, ut postea in vocales desinat commodius. *dlǫgъ* Boh. est dluh” (с. 71). Миклошич ограничился сопоставлением родственных слов, в том числе гот. *dulgs* (Miklosich 40: s.v. *delgū* 2), но раньше в “Церковнославянском лексиконе” в статье на *dlǫgъ* он писал: “goth. *dulgs* aut *dulg* (*dulga*) debitum, differens ab ahd. *dolk*, slavicum est” (Miklosich LP 163). Трудно сказать, изменил ли свое мнение Миклошич через несколько лет после издания Лексикона или стал более осторожным в своих суждениях, остается лишь фактом, что в настоящее время автором этой теории признают не Копитара, а собственно Миклошича или же Махека, который через 130 лет после Копитара сформулировал свою точку зрения: “*Podněvadž tedy v slovese bylo !, je vývoj ! > њ / podle očekávání. Je potom i pravděpodobné, že gót. dulgs ‘dluh’ je přejato ze slovenštiny (nikoli naopak, nebot’; dluh je všeslovanské, ale *dulg- jiných Germánů není!)*” (Machek²) 121). На Миклошича указывают, например, принимающие эту теорию Дагмар Тенорова и Эва Гавлова, авторы статьи на *dlǫgъ*² в новейшем этимологическом словаре старославянского языка (ESJS 3, 136), на Махека – несогласный, например, с этой теорией Ф. Славский (Słownik prasłowiański III, 239) и избегающий окончательного решения, но предполагающий и.-е. **dhǫghos* Ф. Безлай (Bezljaj I, 107). Современные этимологи представляют разные взгляды, многие колеблются, как это видим уже у Бернекера, который напишет: “*Entlehnung aus dem got. dulgs ‘Schuld’ (...) ist aus sachlichen Gründen wahrscheinlich (...) jedoch nicht sicher*” (Berneker I, 244). Брюкнер считал, что это готское заимствование (Brückner 90), допускал заимствование Фейст (Feist² 95), на недостаточные основания указывают, например, О.Н. Трубачев (ЭССЯ, 5, 180) и “Этимологический словарь украинского языка” (ЕСУМ II, 100). В отношении готского слова есть подозрение, что это кельтское заимствование (Feist³ 128–129), но слависты исключают такую возможность в отношении праславянского образования (напр., Vasmer I, 359; Фасмер I, 525; Bezljaj I, 107). Этимологи приводят богатую литературу на эту тему, но никто не упоминает Копитара.

Как показывает приведенный выше обзор взглядов современных этимологов, готские этимологии Копитара не были по своему характеру случайными сближениями. Только в одном случае современная этимология не затрагивает проблему хотя бы только предполагаемого готского источника. Среди одиннадцати слов, для которых Копитар принимал или только подозревал готское происхождение, только одно слово сейчас вне подозрений. Таким словом является праслав. **synъ*. Но и в этом случае указание на корень с долготой (чего, конечно, не заметил Копитар), а именно параллелизм и.-е. **sūnus*, являющегося основой славянского слова, по отношению к и.-е. **sūnus*, исходной готской формы, показывает,

что славяно-готское сближение в какой-то степени оправдано. Для остальных десяти слов, указанных Копитаром, современные этимологи не исключают готского происхождения, а во многих случаях и принимают. Никто, однако, не указывает на Копитара, предшественника Миклошича и, несомненно, талантливое предшественника славянской этимологии. Неучет взглядов Копитара не влияет, конечно, на результаты современных этимологических исследований, но они дают искаженный образ истории славянской этимологии. Несомненно, этимологический словарь Миклошича был первым словарем, оправдывающим такое название, но не все этимологические идеи были его собственными. Он использовал иногда идеи Копитара, а возможно и Добровского, чьи этимологии учитывал Копитар. И несколько не были бы умалены заслуги Миклошича, если бы этимологи, отдавая *cuique suum*, вспоминали бы иногда и Копитара.

Примечания

- ¹ *Moszyński L.* Poglądy etymologiczne Kopitara wyrażone w słowniczku opublikowanym w roku 1836 w Glagolita Clozianus // *Kopitarjev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani 29. junij do 1. julij 1994; Jernej Kopitar in njegova doba. Simpozij ob stopetdesetletnici njegove smrti.* Ljubljana, 1996, 35–56; *Idem.* Komparatystyka slawistyczna w słowniczku Kopitara zamieszczonym w jego Glagolita Clozianus z r. 1836 // *RS1. T. L. Wrocław etc.* 1997, 67–76.
- ² Среди новых работ здесь необходимо отметить исследование А.С. Львова: *Львов А.С.* Из лексикологических наблюдений. 1. К этимологии ст.-слав. *коульнрь*, *-ръ* *ѣтѣолоу* // *Этимология* 1965. М., 1967, 189–195; *Он же.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы) // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1973, 211–228. См. также БЕР III, 130–131; *ESJS* 7, 382. Не приводится это слово в работе: *Parzymies A.* Język protobułgarski. Przyczynek do rekonstrukcji na podstawie zapożyczeń w językach słowiańskich. Warszawa, 1991.
- ³ *Dobrovsky J.* Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822, 225.
- ⁴ *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, 48–54.

Перевела с польского *Л.В. Куркина*

И. Немец

К НЕЙТРАЛИЗАЦИИ МЕЖДОМЕТНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Для этимологии как отрасли языкознания характерно, что она добивается своих успехов благодаря комплексному применению данных, полученных разными лингвистическими и внелингвистическими дисциплинами, становясь в свою очередь для них важным источником знания. Этот междисциплинарный подход создает возможность углубленной реконструкции модели развития слов с учетом сочетания